

Социальная справедливость в контексте хозяйственного развития общества

Д. К. Стожко

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Уральский государственный экономический университет.
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0003-3186-877X. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Аннотация: Целью статьи является анализ представлений о социальной справедливости в истории социально-философской мысли в контексте хозяйственного развития общества. Показана эволюция представлений о социальной справедливости с древнейших времен до современности. Выявлена ее роль в хозяйственной жизни общества. Раскрыт главный тренд такой эволюции, который состоит в постепенном уходе от трактовки социальной справедливости как равенства или эквивалентности в области обмена результатами деятельности в плоскость причинно-следственной детерминации самого характера деятельности и, прежде всего, трудовой практики. В качестве конкретных задач исследования поставлены и решаются вопросы о конвертации принципа социальной справедливости в социальную безопасность как ключевой социальный институт современного общества. В частности, особое внимание обращено на активное начало и деятельную природу такой конвертации, что существенно отличается от распространенных на данный момент представлений о социальной безопасности как данной извне (государством, обществом и т. д.) защищенности личности (индивида) и о социальной справедливости как гарантированности такой данности.

Особое внимание обращено на междисциплинарный характер данной проблемы, предполагающей комплексный подход к интерпретации принципа социальной справедливости с учетом достижений современной философии хозяйства и требований исторического детерминизма.

Ключевые слова: ценность, принцип, социальная справедливость, обмен, равенство, эквивалентность.

Введение

Идея социальной справедливости до сих пор не имеет универсального толкования в философском дискурсе. Ее превращение в социальный феномен сопряжено с полиморфизмом ее интерпретаций. В связи с этим представляется интересным суждение о том, что способность социальных идей превращаться в ценности и идеалы часто сопровождается утратой нравственности [34, с. 297–298].

В контексте происходящих в современном обществе ценностных трансформаций социальная справедливость как ценность приобретает особое значение в сфере хозяйственных практик. Это обусловлено так называемыми «провалами рынка»: разного рода «институциональными ловушками» [21, с. 1–27], растущим социально-экономическим расслоением, низким уровнем социальной защищенности и социальной безопасности людей и т. д.

Восстановление ранга социальной справедливости как ценности предполагает ее превращение в норму поведения людей – социальный институт (Д. Норт) [22].

Методология исследования

В статье использованы диалектический, структурно-функциональный, программно-целевой, историко-ретроспективный и герменевтический методы исследования. Предметом изучения является принцип социальной справедливости, объектом исследования выступает хозяйственное развитие общества.

История проблемы

Феномен *социальной справедливости* существует в человеческом сознании и в человеческом обществе издавна. С самого начала он был связан, прежде всего, с хозяйственной деятельностью людей. Так, в одном из древнейших произведений – «Книге мертвых» (Египет) – вход в царство Осириса (мир душ) уже был обусловлен справедливым отношением человека к человеку (об этом свидетельствует конкретный перечень условий в главе 125 текста книги).

Позднее в поэме Гомера «Илиада» термин *«справедливость»* употребляется как синоним *должного*, в нравственном смысле. Он раскрывается через понятия *долга* и *чести* и имеет определенный материальный контекст – возмещение ущерба [5, с. 55].

Дальнейшее развитие идеи социальной справедливости нашло свое отражение в сочинениях Аристотеля, который связывал справедливость и добродетель и рассматривал их в контексте социальных отношений и этических норм. Он считал, что справедливость появляется там, где есть добродетель, и указывал: «Справедливость бывает двух родов. Один из них – соответствие закону... Справедливое по отношению к другому есть, собственно говоря, равенство. Поэтому ясно, что справедливость есть некая середина между излишеством и нехваткой, между многим и малым» [2, с. 310–311].

Первый вид справедливости – *уравнивающая* справедливость. Второй вид справедливости – *пропорциональная* справедливость.

В эпоху Древнего Рима представления о справедливости становятся еще более прагматичными. Сущность справедливости все чаще начинают связывать с выгодой, пользой, успехом. Достаточно напомнить слова Цицерона о том, что «справедливость не может быть отделена от полезности», что «справедливость проявляется в воздаянии каждому по его заслугам» [19, с. 130]. Разнообразие представлений о справедливости в древнеримском обществе может быть представлено следующими афоризмами:

- «справедливость есть постоянная и неизменная воля каждому воздавать по заслугам»;
- «справедливость не признает ни отца, ни матери, а только стремится к истине»;
- «справедливость не требует никакой награды»;
- «справедливость проявляется в воздаянии каждому по заслугам»;
- «справедливый закон – оплот свободы, равенства и братства» [12, с. 309].

В целом, особенностью античного понимания справедливости было ее восприятие через понятие судьбы – *анакэ*. В русской философской традиции также существовало своеобразное понимание феномена справедливости, связанное с понятием гармонии – *сизигии*.

В естественных науках до сих пор данный термин применяется для обозначения соразмерности, соответствия, пропорциональности, выравнивания определенных условий и показателей.

В гуманитарных науках термин сизигия используется довольно редко. Одним из первых его употребил В. С. Соловьев, когда рассуждал о справедливости, гармонии, социальном мире и духовном развитии человека. Он, в частности, писал: «Справедливость требует, чтобы мы не делали другим того, что не желаем себе» [26, с. 655]. Такое толкование справедливости проходит рефреном через всю историю философии, начиная от конфуцианской нормы «чего себе не пожелаешь, того не делай другим» [10, с. 102] и до более поздних ее вариаций.

В XVIII в. эта норма получила свое наиболее яркое воплощение в виде «золотого правила этики»: поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе. Еще более четко эта идея сформулирована в «категорическом императиве» И. Канта: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [9, т. 4, с. 260]. В видоизмененной формулировке эта мысль была озвучена следующим образом: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [9, т. 4, с. 270].

Если говорить о русском фольклоре, то для определения самой справедливости в нем чаще всего использовалась смысловая пара «причина – следствие». Справедливым считалось то, что имело причину и следствие. Беспричинность и непоследовательность рассматривались как проявления несправедливости [7, с. 108–109].

Постепенно в истории гуманитарной мысли сложилось более или менее устойчивое представление о справедливости как о *должном*. Оно содержит в себе не только требование *соответствия* деяния и воздаяния, но и *обязанность* соблюдать такое соответствие (переход *должного* в новое состояние – *сущее*).

Современное состояние проблемы

В современной философской литературе справедливость имеет разные трактовки. Это соответствует идеям о множественной социальной и духовной реальности. В одних случаях справедливость рассматривается как равенство всех граждан (например, перед законом), в других случаях – как дифференциация или пропорциональность (например, в сфере распределения, где действуют сразу три разных принципа: «кто не работает – тот не ест», «от каждого – по способностям, каждому – по труду», «на равновеликий капитал – равновеликая прибыль»).

Таким образом, понимание термина *социальная справедливость* связано с *правильным* решением того или иного вопроса. Но *правильное* решение может быть представлено как субъективно верное, т. е. правильное с одной стороны. А может быть представлено как объективно верное, когда достигается некое согласие, консенсус, и решением вопроса удовлетворяются все стороны. Современная гуманитарная мысль далеко ушла от древних представлений о справедливости как эквивалентном обмене. Тем более что обмен может совершаться не только для воздаяния или получения экономической выгоды, но и «для поддержания различных социальных структур, символизации сотрудничества, предотвращения конфликтов» [23, с. 119]. В этом отношении меценатство, благотворительность, пожертвования и иные проявления его неэквивалентности также являются вполне справедливыми.

В меняющейся хозяйственной практике человека вслед за изменениями в понимании социальной справедливости меняются и правила поведения. Поэтому актуальным становится научное переосмысление таких основных понятий хозяйственной деятельности человека, как *рынок, конкуренция, труд, стоимость, капитал, богатство, благосостояние* и т. д. Изначально их понимание складывалось в принципиально других условиях, чем сейчас (натуральное хозяйство, простое товарное производство, отсутствие государственно-монополистического капитализма, неразвитость крупной промышленности, слабость конкуренции и т. д.). Сегодня интерпретация данных понятий и категорий часто просто не соответствует требованиям времени, как и прежнее понимание сущности и роли основных принципов хозяйствования, или, выражаясь современным языком, «правил игры» (рационализм, прагматизм, гедонизм, эгоизм).

Учитывая это, необходимо выделять *абсолютное* и *относительное* в сущности и содержании понятия «*социальная справедливость*». Порой исследователи настаивают на том, что справедливость – понятие не только относительное, но даже случайное. Так, известный французский философ Гельвеций утверждал, что «справедливость наших суждений и наших поступков – это не более как удачное совпадение нашего интереса с общественным» [5, с. 137]. Тем самым подчеркивался фантомный, а не объективно закономерный характер феномена социальной справедливости.

Сложившаяся теория справедливости носит междисциплинарный характер. И, вместе с тем, она полиморфная. В одних случаях справедливость связывают с правильностью поведения человека (И. Бентам). В других – с гедонизмом, извлечением пользы (Дж. Миль) либо со стремлением к счастью (Г. Сиджвик). Третий случай – когда справедливость связывают с созданием добра (В. Соловьев, И. Ильин, С. Франк и др.). Четвертый – когда справедливость рассматривается сквозь призму долга, моральной обязанности, некоего внутреннего нравственного закона (императив И. Канта). Видоизмененной вариацией на кантовскую идею может служить моральная философия Дж. Э. Мура, который связывает справедливость с внутренней ценностью, ценностью самой по себе, хотя четкого определения этой самой ценности автор не дает [20, с. 313–314].

Попытки рассматривать феномен справедливости вне социальной жизни общества как нечто абстрактное, отвлеченное, «возвышенное» всегда наталкиваются на проблему несоответствия такого продукта нашего интеллекта реально окружающей нас среде. С другой стороны, стремление рассматривать социальную справедливость как синоним объективности, эквивалентности, беспристрастности, соизмеримости также вступают в противоречие с высшими абсолютными ценностями и идеалами. И, тем не менее, справедливость является важнейшей категорией социальной философии, морального, правового, политического и экономического сознания. В ней, как в капле воды, отражены все болевые точки жизни личности и общества.

Социальная справедливость и экономическое поведение

Если говорить о социальной справедливости применительно к сфере экономики, а точнее – хозяйственного поведения людей (*behavioral economics* – *поведенческая экономика*), то необходимо назвать книгу А. Смита «Теория нравственных чувств» (1759 г.), где автор писал: «Добродетель – это справедливость» [25, с. 95].

А. Смит связывал справедливость с нравственным долгом личности, ее обязанностью поступать строго определенным образом. Однако возникает вопрос о том, что должно служить критерием строго *должного* поведения человека. На этот вопрос А. Смит ответил достаточно ясно: «Справедливость и благородные нравственные чувства кажутся нам естественно

отмеченными некоторой степенью нравственного достоинства. Человек, мнения и одобрения которого находятся в точном соответствии с достоинством предметов, сам, по-видимому, заслуживает нашего одобрения» [25, с. 312].

Синтез философии и экономики (А. Смит как философ и экономист – яркий тому пример) способствовал более глубокому анализу разных нравственных ценностей, в том числе и принципа социальной справедливости в контексте хозяйственной жизни людей.

Современный бихевиоризм, ставший закономерным результатом такого синтеза, сложился к середине XX в. [32, с. 110–111] Сегодня он предоставляет убедительные аргументы в пользу того, что справедливость, честность, верность имеют большое значение для получения высоких результатов в хозяйственной деятельности и создания социально ориентированной экономики. Однако «большинство экономистов, особенно сторонники неоклассической и марксистской теорий, никогда не обращали на них внимания, в лучшем случае считая их незначительными факторами, а в худшем – отвлекающими людей от рациональных решений» [32, с. 112].

Постепенно, со временем, в условиях меркантильного общества и рыночной экономики, принцип социальной справедливости стал все в большей степени отождествляться с субъективными трактовками выгоды, прибыли, дохода, полезности. Примером таких трактовок может служить теория справедливости, с которой выступил в 1963 г. американский психолог Дж. С. Адамс. Полное название его концепции – «*теория справедливости мотивации*». Иначе говоря, автор попытался связать в единый узел философию, экономику и психологию. Из его суждений следовало, что возможно только субъективное понимание справедливости, которое автор связывал с соотношением между затраченными работником усилиями и получаемым за это вознаграждением. Уже одно это вызывает законный вопрос о том, за что должно быть вознаграждение: за усилия в труде или за его результаты. Представим, что малыш с усердием и большими усилиями точит карандаш, дотачивая его до конца. В результате карандаш перестает существовать либо превращается в огрызок. Какое вознаграждение должен получить малыш за такие усилия? Вознаграждение, равное вознаграждению других, тех, кто хорошо обработал карандаш? Или меньшее? А может быть, большее? Вопросы не праздные, но у Дж. С. Адамса они остаются без ответа.

Для определения оптимального соотношения между усилиями и вознаграждением, которое соответствовало бы понятию справедливости, американский ученый предлагает использовать так называемые «входные» и «выходные» барьеры.

К числу «входных» барьеров он относит профессиональные навыки, умения; адаптацию в коллективе; гибкость и терпение; целеустремленность; трудолюбие; лояльность; время работы; самопожертвование и поддержку коллег.

К «выходным» барьерам отнесены заработная плата, выгода, одобрение проделанной работы, ответственность работника, похвала начальства, благодарность и репутация.

Дж. С. Адамс предлагает выделять три состояния справедливости: неравенство при оплате усилий (недоплату); полное равенство при оплате усилий; неравенство при оплате усилий (переплату) [39, с. 267–299].

Несмотря на популярность этой теории среди российских менеджеров и психологов, с точки зрения философии экономики она вызывает больше вопросов, чем содержит ответов. Во-первых, самопожертвование как входной барьер в экономическом смысле означает жертвование своими интересами, а следовательно, и бескорыстие, когда работник не рассчитывает на вознаграждение. Поэтому сопоставлять одно с другим – явное нарушение требований логики и здравого смысла. Во-вторых, если за входной барьер принимать время затраты усилий (работы), а не результаты, то вознаграждение может оказаться невыгодным (несправедливым) для работодателя, что приведет к расторжению отношений между ним и работником. В-третьих, если выходным барьером считается заработная плата, которая одновременно обусловлена политикой предприятия (например, по снижению заработной платы в контексте распространенной стратегии фокусирования на издержках и снижения себестоимости продукции) и, одновременно, количеством и качеством проделанной работы, то здесь получаются «сапоги всмятку» (выражение В. И. Ленина).

И в самом деле, Дж. С. Адамс просто пытается свести самые разные ценности в один обобщающий критерий. В-четвертых, значительная часть предлагаемых «барьеров», не поддающихся четкой экономической инвентаризации либо предполагающих широкую возмож-

ность различной их интерпретации, носит сугубо психологический и субъективный характер. А ключевым требованием научного анализа служит универсализм, единство наших представлений о правилах (нормах) анализа.

Важнейшее положение (уравнение) Дж. С. Адамса гласит, что соотношение между усилиями и вознаграждением для одного человека должно соответствовать соотношениям между усилиями и вознаграждением для других людей. А это уже явно ненаучный подход, поскольку справедливость предполагает соотношение усилий и вознаграждения не только между собой, но и с объективными условиями внутренней и внешней среды, в которой живет и хозяйствует сам человек. Так, медали, которые получают наши параолимпийцы (люди с инвалидностью), совершенно не равноценны (по затратам энергии, сил, труда) с теми, которые получают профессиональные и здоровые спортсмены. У первых цена намного выше, чем у вторых, хотя и те и другие – драгоценны. Точно также нет и не может быть никакого соответствия в соотношениях затрат усилий и вознаграждения за них между женским и мужским трудом, между детским трудом и трудом взрослых.

Другой известной теорией справедливости является концепция Дж. Ролза. В своей книге «Теория справедливости», опубликованной впервые в 1971 г., он изложил свое видение справедливости, связав ее с понятием *честности*. Тем самым автор продолжил традицию выведения справедливости из добродетелей человека, заявив лишь, что «в справедливой честности исходное положение равенства соответствует естественному состоянию в традиционной теории общественного договора» [24, с. 26].

Суть теории справедливости Дж. Ролза состоит в опоре на понятие права. При этом автор игнорирует тот факт, что право отнюдь не всегда само по себе морально. Примеров аморальных норм права, навязываемых верхами низам, в человеческой истории более чем достаточно. Отсюда возникает вопрос о том, как связать этическую трактовку справедливости с ее экономической и юридической трактовкой. Право здесь ровным счетом ничего не дает, поскольку само, в лучшем случае, является продуктом справедливости, но никак не ее предтечей.

Другое заблуждение Дж. Ролза состояло в том, что он попытался связать понятие справедливости со стремлением людей к счастью, тогда как справедливость порой диктует действия, весьма далекие от осчастливливания людей. Наказания и санкции вовсе не повышают «градус» счастья тех, к кому они применяются.

А уж когда Дж. Ролз предлагает рассматривать счастье как «особое состояние» человека и не связывать его вообще с конкретным уровнем благосостояния, то тут просто просвечивает «экзистенциальная природа» рассуждений автора, который полагает, что справедливость обусловлена исключительно заинтересованностью индивида в самом себе (*selfinteresting*). Отсюда можно вывести главный пафос справедливости по Дж. Ролзу: поступай, как считаешь нужным, и будь, что будет.

Теорию справедливости Дж. Ролза справедливо критикуют многие исследователи [11; 14; 16; 27]. Отметим, что его взгляды на справедливость явно перекликаются с теориями рационального поведения и общественного выбора, «прописавшимися» в экономической науке также благодаря американским ученым. В связи с этим можно отметить работы Г. Беккера [3], А. Берри [4], Дж. Мута [40], Дж. Хикса [33], К. Эрроу [38] и др. Вместе с тем данная теория достаточно абстрактна, поскольку, как утверждает сам автор, ее цель – приспособить экономическое поведение к условиям общественного договора. Но содержание такого мифологизированного «общественного договора», идею которого сформулировал еще в XVIII в. Ж. Ж. Руссо, отнюдь не равнозначно тем ожиданиям, которые в условиях XXI в. предъявляют к власти народы разных стран. Абстрактность постановки концепции справедливости даже в отношении к экономической сфере жизни людей в работе Дж. Ролза вряд ли вызывает у читателя сомнения. Но так уж устроена современная западная философия. По признанию одной из ярких представительниц современного философского символизма С. Лангер, «абстрактное видение – это основа нашей рациональности» [13, с. 67]. Тем не менее справедливость, взятая в качестве социальной добродетели, рассматривается как путь к процветанию [31].

В отечественной литературе также имеются исследования проблемы социальной справедливости. Так, А. И. Матвеева рассматривает ее в контексте вопросов социализации и пишет: «Только духовная любовь как высшая нравственная норма является фундаментальным основанием социальной справедливости, справедливого общества. Те же, кто уходит от признания объективной необходимости самой духовной любви в качестве основы социальной справедливости, уходят, в конечном счете, и от самой идеи социальной справедливости» [18, с. 148].

С другой стороны, Л. М. Марцева предлагает увязывать определение социальной справедливости с трудом и трудовым происхождением благосостояния, трудовым образом жизни человека. А сам смысл труда – с понятием индекса человеческого счастья [17, с. 145].

Представляет интерес и позиция Т. В. Шипуновой, которая связывает содержание принципа социальной справедливости с понятием индекса развития человеческого потенциала [37]. В свою очередь, Л. Н. Шабатура в качестве критерия социальной справедливости предлагает рассматривать соответствие характера деятельности и сложившейся традиции [35]. Е. Л. Дубко разделяет справедливость «по праву» и справедливость «по совести» и ставит справедливость в прямую связь с солидарностью между людьми [8, с. 61–77]. А. А. Сычев выделяет экологическую справедливость [30, с. 113–124], А. А. Шевченко – историческую справедливость [36, с. 49–54]. Имеются и другие ее трактовки [1; 30; 29].

Вместе с тем, несмотря на различные подходы к пониманию социальной справедливости, сама она признается как ключевая ценность в сфере хозяйственных практик, которую никто не подвергает сомнению, несмотря на различные ее интерпретации.

Выводы

1. Социальная справедливость в качестве ценности в полной мере относится к хозяйственной сфере человеческой жизнедеятельности. При этом подлинный смысл социальной справедливости не соответствует античным представлениям о ней как о равенстве (эквивалентности обмена результатами индивидуальной деятельности), а раскрывается в единстве многообразия человеческой жизни, как полиморфизм человеческого бытия (духовное, социальное, физиологическое, биологическое, психологическое, хозяйственное измерение).

Поскольку субъекты хозяйства не могут быть абсолютно равными в рамках ценностных иерархий и разных хозяйственных систем (административно-хозяйственная подчиненность, социальная иерархия и т. д.), постольку социальная справедливость оказывается верифицированной и представляется в сфере хозяйства лишь как *возможность равного выбора*.

2. Имеющиеся в современной литературе трактовки социальной справедливости как соответствия деяния и воздаяния также ограничены, поскольку такое отношение не является справедливым при наличии реального неравенства (например, принцип «кто не работает – тот не ест» неприменим в отношении детей, инвалидов и стариков и т. д.). Тем самым, соответствие деяния и воздаяния элиминируется разными эндогенными и экзогенными факторами, оказывающими свое воздействие на социальную и духовную реальность.

3. Аналогичным образом обстоит дело и с трактовкой социальной справедливости как *счастья*, поскольку право на счастье имеют все люди, но в реальности само счастье обеспечивается отнюдь и не только в сфере хозяйства. Понятие счастья полиморфно: от отсутствия страданий – до получения удовольствия; от удовлетворенности и отсутствия забот – до устремленности к совершенству и т. д. Идея счастья как высшего блага, однако, не может быть заменителем понятия социальной справедливости, поскольку картина человеческой жизни не может складываться из одних только положительных ценностей, а предполагает в действительности и «отрицательные» ценности [15, с. 250–390]. Соотношение различных ценностей составляет тот жизненный баланс, который может быть назван счастьем.

4. Отсюда следует, что наиболее емким и безупречным смысловым конструктом понятия социальной справедливости является обеспечение социальной безопасности всех и каждого. Иначе говоря, это такое состояние хозяйства и общества, когда индивиды, независимо от своего места и роли в системе социально-экономических отношений, имеют реально безопасное существование, т. е. гарантированный (трудом) источник получения средств существования и объективно необходимую меру социальной защищенности от различного рода рисков и угроз.

Мера и степень такой социальной безопасности есть одновременно мера и степень социальной справедливости как в отношении общества в целом, так и в отношении каждого отдельного индивида.

Список литературы

1. Аргунова В. Н. Социальная справедливость: теоретико-методологические подходы к изучению // Проблема теоретической социологии : межвуз. сб. СПб., 2003. № 4. С. 60–62.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : «Мысль», 1984. Т. 4. С. 310–311.
3. Беккер Г. С. Теория распределения времени // Вехи экономической мысли. Рынки факторов производства / пер. с англ. СПб. : Экон. шк., 2000. Т. 3. С. 82–121.

4. Берри А. Чистая теория распределения // Вехи экономической мысли. Рынки факторов производства / пер. с англ. СПб. : Экон. шк., 2000. Т. 3. С. 11–13.
5. Гельвеций К. О человеке // Гельвеций К. Сочинения : в 2 т. / пер. с фр. М. : «Мысль», 1974. Т. 2. 687 с.
6. Гомер. Одиссея. М. : Правда, 1985. 320 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : «ЭКСМО-ПРЕСС», 2000. 616 с.
8. Дубко С. Л. Социальная справедливость // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М., 1988. С. 61–77.
9. Кант И. Сочинения : в 6 т. М., 1965. Т. 4. 1120 с.
10. Конфуций. Уроки мудрости. М. : «ЭКСМО-ПРЕСС», 1998. 930 с.
11. Кругман П. Великая ложь. Сбиваясь с пути на рубеже нового века / пер. с англ. М. : «АСТ», 2004. 474 с.
12. Крылатые афоризмы древних римлян. М. : «РИПОЛ-КЛАССИК», 1999. 704 с.
13. Лангер С. Философия в новом ключе / пер. с фр. М. : «Республика», 2000. 287 с.
14. Литвиненко Н. Концепция справедливости Дж. Ролза // Логос. 2006. № 1(52). С. 26–34.
15. Лосский Н. О. Ценность и бытие // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М. : «Республика», 1994. 436 с.
16. Макеева Л. Б. Философия эгалитарного либерализма в США: Джон Ролз и Рональд Дворкин. М., 2006. С. 45–62.
17. Марцева Л. М. Труд в системе философского знания // Русское самосознание. 2006. № 12. С. 140–147.
18. Матвеева А. И. Духовная социализация личности как основа социального взаимодействия. Екатеринбург : УрГЭУ, 2010. 319 с.
19. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М. : «Олма-Пресс», 2006. 848 с.
20. Мур Дж. Дж. Природа моральной философии / пер. с англ. М. : «Республика», 1999. 351 с.
21. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997. 180 с.
22. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. № 2. С. 1–27.
23. Радаев В. В. Экономическая социология. М. : ГУ ВШЭ, 2005. 603 с.
24. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. Новосибирск, 1995. 536 с.
25. Смит А. Теория нравственных чувств / пер. с англ. М. : «Республика», 1997. 351 с.
26. Соловьев В. С. Спор о справедливости. М. : «ЭКСМО-ПРЕСС», 1999. 864 с.
27. Стожко К. П. Экономическое сознание. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. 426 с.
28. Сычев А. А. Экологическая справедливость: распределение, признание, участие // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. «Общественные науки». 2014. № 4. С. 113–124.
29. Троицкая В. А. Справедливость как ценностно-нормативная основа социального взаимодействия. Барнаул, 1999. 234 с.
30. Философские проблемы социального управления. Социальные факторы менеджмента // Менеджмент и маркетинг в социальной сфере: учебник для вузов / под общ. ред. В. А. Абчука. СПб. : Кн. дом, 2003.
31. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М. : АСТ, 2004. 730 с.
32. Ха Джун Чанг. Как устроена экономика / пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фарбер, 2017. 304 с.
33. Хикс Дж. Основания экономики благосостояния // Вехи экономической классики. Экономика благосостояния и общественный выбор / пер. с англ. СПб. : Высш. шк., 2004. Т. 4. С. 17–38.
34. Червонная Л. Г. Метаморфозы социальных идей. Екатеринбург : УрО РАН, 2001. 448 с.
35. Шабатура Л. Н. Онтогенез традиции. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. 264 с.
36. Шевченко А. А. Об исторической справедливости // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. «Философия». 2014. Т. 9. Вып. 4. С. 49–54.
37. Шупунова Т. В. Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки // Проблемы теоретической социологии. СПб. : «Астерион», 2005. Вып. 5. 274 с.
38. Эрроу К. Дж. Основания экономики благосостояния // Вехи экономической классики. Экономика благосостояния и общественный выбор / пер. с англ. СПб. : Высш. шк., 2004. Т. 4. С. 293–338.
39. Adams J. S., Freedman S. Equity theory revisited // Advances in Experimental Social Psychology / ed. by L. Berkowitz, T. Walster. N. Y., 1976. Vol. 2. P. 267–299.
40. Muth John F. Rational Expectations and the Theory of Price Movements // Econometrica. 1961. № 29. P. 315–335.

Social justice and economic development

D. K. Stozhko

PhD of philosophy, associate professor of history and philosophy, Ural State University of Economics.
Russia, Ekaterinburg. ORCID: 0000-0003-3186-877X. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Abstract: The purpose of the article is to analyze the notions of social justice in the history of social and philosophical thought in the context of the economic development of society. The evolution of the notions of social justice from ancient times to modern times is shown. Its role in the economic life of society is revealed. The main trend of such an evolution is revealed that consists in gradual departure from the treatment of social justice as equality or equivalence in the field of the results of activity sharing in the plane of cause and effect determination of the very nature of activity, and, above all, of labor practice. As specific tasks of the study, questions have been raised and solved concerning the conversion of the principle of social justice into social security as a key social institution of modern society. In particular, special attention is paid to the active principle and the active nature of such a conversion, which differs significantly from the currently prevalent notion of social security as being from the outside (by the state, society, etc.) the security of the individual (individual) and about social justice as guarantee of such a given.

Particular attention is paid to the interdisciplinary nature of this problem, suggesting a comprehensive approach to interpreting the principle of social justice, taking into account the achievements of modern economic philosophy and the requirements of historical determinism.

Keywords: value, principle, social justice, exchange, equality, equivalence.

References

1. Argunova V. N. *Social'naya spravedlivost': teoretiko metodologicheskie podhody k izucheniyu* [Social justice: theoretical methodological approaches to the study] // *Problema teoreticheskoy sociologii: mezhevz. sb.* – The problem of theoretical sociology: interuniversity coll. St. Petersburg. 2003, No. 4, pp. 60–62.
2. Aristotle. *Nikomahova ehtika* [Nicomachean ethics] // *Aristotle. Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vol.] M. "Mysl'". 1984. Vol. 4. Pp. 310–311.
3. Bekker G. S. *Teoriya raspredeleniya vremeni* [Theory of allocation of time] // *Vekhi ehkonomicheskoy mysli. Rynki faktorov proizvodstva* – Milestones of economic thought. Factor of production markets / transl. from English. SPb. Econ. Shk. 2000. Vol. 3. Pp. 82–121.
4. Berry A. *CHistaya teoriya raspredeleniya* [Pure theory of distribution] // *Vekhi ehkonomicheskoy mysli. Rynki faktorov proizvodstva* – Milestones of economic thought. Factor of production markets / transl. from English. SPb. Econ. Shk. 2000. Vol. 3. Pp. 11–13.
5. K. Helvetius *O cheloveke* [About a man] // *Helvetius K. Sochineniya: v 2 t.* [Compositions: in 2 vol. / transl. from Fr. M. "Mysl'". 1974. Vol. 2. 687 p.
6. Homer *Odisseya* [Odyssey]. M. Pravda. 1985. 320 p.
7. Dal' V. I. *Posloviy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. M. "EKSMO PRESS". 2000. 616 p.
8. Dubko S. L. *Social'naya spravedlivost'* [Social justice] // *Ehticheskaya mysl': Nauchno-publicisticheskie chteniya* – Ethical thought: Scientific and journalistic reading. M. 1988. Pp. 61–77.
9. Kant I. *Sochineniya: v 6 t* [Works: in 6 vol.] M. 1965. Vol. 4. 1120 p.
10. Confucius. *Uroki mudrosti* [The lessons of wisdom]. M. "EKSMO PRESS". 1998. 930 p.
11. Krugman P. *Velikaya lozh'. Shvayasy' s puti na rubezhe novogo veka* [The great lie. Losing the way at the turn of the new century] / translated from English. M. "AST". 2004. 474 p.
12. *Krylatye aforizmy drevnih rimlyan* – Winged aphorisms of the ancient Romans. M. "RIPOL KLASSIK". 1999. 704 p.
13. Langer S. *Filosofiya v novom klyuche* [Philosophy in a new key] / transl. from Fr. M. "Respublika". 2000. 287 p.
14. Litvinenko N. *Koncepciya spravedlivosti Dzh. Rolza* [The concept of justice of J. Rolls] // *Logos* – Logos. 2006, № 1 (52), pp. 26–34.
15. Losskij N. O. *Cennost' i bytie* [Value and being] // *Losskij N. O. Bog i mirovoe zlo* [God and world evil]. M. "Respublika". 1994. 436 p.
16. Makeeva L. B. *Filosofiya ehgalitarnogo liberalizma v SSHA: Dzhon Rolz i Ronal'd Dvorkin* [Philosophy of egalitarian liberalism in the United States: John Rawls and Ronald Dworkin]. M. 2006. Pp. 45–62.
17. Marceva L. M. *Trud v sisteme filosofskogo znaniya* [Work in the system of philosophical knowledge] // *Russkoe samosoznanie* – Russian self-consciousness. 2006, No. 12, pp. 140–147.
18. Matveeva A. I. *Duhovnaya socializaciya lichnosti kak osnova social'nogo vzaimodejstviya* [Spiritual socialization of personality as a basis of social interaction]. Ekaterinburg. UrSEU. 2010. 319 p.
19. *Mudrost' tysyacheletij. EHnciklopediya* – The wisdom of millennia. Encyclopedia. M. "OLMA Press". 2006. 848 p.

20. Moore G. G. *Priroda moral'noj filosofii* [The nature of moral philosophy] / translated from English. M. "Respublika". 1999. 351 p.
21. North D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ehkonomiki* [Institutions, institutional changes and functioning of the economy]. M. The Beginning. 1997. 180 p.
22. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ehkonomiki* [Institutional traps and economic reforms] // *EHkonomika i matematicheskie metody* – Economics and mathematical methods. 1999, No. 2, pp. 1–27.
23. Radaev V. V. *EHkonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. M. SU HSE. 2005. 603 p.
24. Rawls John. *Teoriya spravedlivosti* [A theory of justice] / translated from English. Novosibirsk. 1995. 536 p.
25. Smith A. *Teoriya npravstvennyh chuvstv* [Theory of moral feelings] / transl. from Eng. M. "Respublika". 1997. 351 p.
26. Solov'ev V. S. *Spor o spravedlivosti* [Dispute about justice]. M. "EKSMO PRESS". 1999. 864 p.
27. Stozhko K. P. *EHkonomicheskoe soznanie* [Economic consciousness]. Ekaterinburg. Publishing house of the Ural State University. 2002. 426 p.
28. Sychev A. A. *EHkologicheskaya spravedlivost': raspredelenie, priznanie, uchastie* [Ecological justice: distribution, recognition, participation] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. «Obshchestvennye nauki»* – News of the Ural Federal University. Ser. 3. «Social science» 2014, No. 4, pp. 113–124.
29. Troickaya V. A. *Spravedlivost' kak cennostno normativnaya osnova social'nogo vzaimodejstviya* [Justice as a value-normative basis of social interaction]. Barnaul. 1999. 234 p.
30. *Filosofskie problemy social'nogo upravleniya. Social'nye faktory menedzhmenta* – Philosophical problems of social management. Social factors management // *Menedzhment i marketing v social'noj sfere: uchebnik dlya vuzov* – Management and marketing in the social sphere: the textbook for high schools / under the general editorship of V. A. Abchuk. SPb. Book house. 2003.
31. Fukuyama F. *Doverie. Social'nye dobrodeteli i put' k процветанию* [Trust. Social virtue and the path to prosperity] / translated from English. M. AST. 2004. 730 p.
32. Ha Dzhun CHang. *Kak ustroena ehkonomika*. [How is the economy constructed] / transl. from English. M. Mann, Ivanov and Farber. 2017. 304 p.
33. Hicks J. *Osnovaniya ehkonomiki blagosostoyaniya* [Bases of economy of welfare] // *Vekhi ehkonomicheskoy klassiki. EHkonomika blagosostoyaniya i obshchestvennyj vybor* – Milestones of economic classics. Welfare Economics and public choice / transl. from English. SPb. Vyssh Shk. 2004. Vol. 4. Pp. 17–38.
34. CHervonnaya L. G. *Metamorfozy social'nyh idej* [Metamorphoses of social ideas]. Ekaterinburg. UrO RAS. 2001. 448 p.
35. SHabatura L. N. *Ontogenez tradicii* [Ontogeny of tradition]. Ekaterinburg. Publishing house of the Ural State University. 2002. 264 p.
36. SHEvchenko A. A. *Ob istoricheskoy spravedlivosti* [On historical justice] // *Vestnik Novosibirskogo gos. un ta. Ser. «Filosofiya»* – Herald of Novosibirsk State University. Ser. «Philosophy» 2014, vol. 9, issue 4, pp. 49–54.
37. SHipunova T. V. *Social'naya spravedlivost': ponyatie, vidy, kriterii ocenki* [Social justice: concept, types, evaluation criteria] // *Problemy teoreticheskoy sociologii* – Problems of theoretical sociology. SPb. Asterion. 2005. Issue 5. 274 p.
38. Arrow K. J. *Osnovaniya ehkonomiki blagosostoyaniya* [Bases of economy of welfare] // *Vekhi ehkonomicheskoy klassiki. EHkonomika blagosostoyaniya i obshchestvennyj vybor* – Milestones of economic classics. Welfare Economics and public choice / transl. from English. SPb. Vyssh Shk. 2004. Vol. 4. Pp. 293–338.
39. Adams J. S., Freedman S. *Equity theory revisited* // *Advances in Experimental Social Psychology* / ed. by L. Berkowitz, T. Walster. N. Y., 1976. Vol. 2. P. 267–299.
40. Muth John F. *Racional Expectations and the Theory of Price Movements* // *Econometrica*, 1961. № 29. P. 315–335.